

РУССКИЙ КОММУНИЗМ

«Путч» и путчи. В Москве 19–21 августа 1991 года была предпринята попытка государственного переворота. Когда она началась, средства массовой информации немедленно окрестили его как путч. Слово «путч» в сознании людей вызывает вполне определенную картину: кучка заговорщиков, используя вооруженные силы, устраняет законное правительство и захватывает власть в свои руки. В данном случае ничего подобного на самом деле не было. Было нечто иное, что не укладывается в рамки привычных пропагандистских и журналистских штампов. Слово «путч» было пущено в оборот не приверженцами беспристрастной истины, а участниками одной из политических сил, кровно заинтересованных в дискредитации тех, кто рискнул пойти на переворот.

С самого начала своей деятельности горбачевская клика проявила половинчатость, непоследовательность и нерешительность в проведении провозглашенных реформ в жизнь. Это было обусловлено не столько личными качествами Горбачева, сколько свойствами реформируемого общества, возможностями власти и характером предпринимаемых преобразований. В силу этих условий лишь разрушительная часть «перестройки» могла быть успешной. Что же касается ее позитивных намерений, они не могли удалиться при любых реформаторах. Сначала виновников этого видели в консерваторах. Но вот консерваторов сбросили с высот власти, а также и на более низких уровнях. Никаких помех для успеха преобразований вроде бы не стало. А успехов все равно не было. Естественно, теперь виновных стали искать среди тех, кто оказался на правом фланге правящих сил, — среди умеренных реформаторов, возглавлявшихся Горбачевым. Наметившееся с самого начала различие умеренных и радикальных реформаторов теперь должно было по законам политической борьбы за власть прийти до их раскола и противопоставления как новых консерваторов и последовательных реформаторов. Так это и случилось.

Лидер радикалов Б. Ельцин и ряд других радикалов, занимавших высокие посты, вышли из КПСС. Ельцин сделал это в духе современной склонности к мировым сенсациям, т. е. демонстративно на XVIII съезде КПСС.

Поскольку консерваторы ступшевались, главным объектом нападков со стороны радикалов стали горбачевцы и особенно сам Горбачев. Он становился самой ненавистой фигурой в стране. Став президентом Российской Федерации, Ельцин вообще сделал основой всего движения радикалов (демократов) борьбу против центрального правительства и борьбу за свержение Горбачева, дабы самому занять его место лидера «перестройки». Борьба за личную власть на высотах власти затмила собою проблемы, из-за которых вроде бы затевалась «перестройка».

В конце 90-го года Горбачев понял, что сможет удержаться у власти только в том случае, если создаст противовес силам демократии — свою «команду». Он и создал такую команду для «наведения порядка», т. е. будущих «путчистов». В начале 91-го года уже созрело намерение переворота. Но по ряду причин переворот был отложен.

Пленум ЦК КПСС, состоявшийся 24–25 апреля 1991 года, обнажил ту расстановку политических сил в стране, какая тут имела место с самого начала «перестройки»: консерваторы, радикалы и центристы. Горбачев определил свою позицию как центристскую, назвав позицию консерваторов правым авантюризмом, а позицию радикалов — левым авантюризмом. Очевидно, школа комсомольского активиста в сталинские годы и партийного функционера в брежневские годы не прошла даром!

Пленум констатировал факт катастрофического состояния страны и признал, что причины его кроются не только в наследии прошлого, но и в «просчетах» политики «перестройки». Хотя пленум подтвердил приверженность партии «перестройке» как курсу на обновление общества, было очевидно, что в стране наметилась сильная тенденция к контрперестройке. Это не ускользнуло и от внимания западных дирижеров советской «перестройки» и вызвало тревогу. Горбачев в телефонном разговоре с президентом США Бушем заверил его в твердости своего намерения продолжать прежний курс. Заверил, как в свое время заверял партию и правительство, преданно служить делу коммунизма. Но это уже не могло ввести в заблуждение его западных хозяев.

Со временем, я уверен, все материалы, касающиеся событий

в Советском Союзе в рассматриваемый период, будут преданы гласности и на Западе будут гордиться тем, что львиная доля в их организации принадлежала западным политическим стратегам и соответствующим службам. Но на основании тех материалов, которые доступны уже сейчас, можно с большой степенью уверенности сказать: эти силы Запада подготовили беспрецедентную, крупномасштабную провокацию, которая проявилась в событиях 19–21 августа 1991 года. Цель этой провокации была вынудить тех людей в советской системе власти, которые были склонны остановить губительный для страны процесс преобразований, к такому открытому выступлению, которое дало бы возможность легко разгромить их и скомпрометировать в глазах мирового общественного мнения, установив на этой основе политический режим, который довел бы разгром страны до конца.

Горбачев хотел «навести порядок в стране», но без своего непосредственного участия, чужими руками. Это тоже в его характере — сваливать «грязную» работу на других, а самому выглядеть чистеньким. Таким путем он в самый ответственный момент для намеченного переворота уехал якобы на отдых в Форос и инсценировал потом якобы насильственную изоляцию, арест. Что это за арест, если он свободно звонил по телефону разным лицам в Москве и даже разговаривал с американским президентом Бушем! Если имел охрану более 700 человек и вся она потом показала, что Горбачеву никто не препятствовал покинуть Форос! Если к нему летали советоваться сами «путчисты»! Если он преспокойно попивал легкое вино и смотрел эротический фильм, когда надо было что-то делать, раз ты арестован! Никакой изоляции на самом деле не было. Была просто тактика двурушника и предателя: при любом исходе «путча» явиться в Москву в ореоле политической непорочности. Расчет оказался ошибочным.

В Москве в отсутствие Горбачева образовался Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению (сокращенно ГКЧП). В него вошли вице-президент СССР, премьер-министр, председатель КГБ, министр внутренних дел, министр обороны, первый заместитель председателя Совета Обороны. «Путчистами» были люди, занимавшие высокие посты в центральной власти СССР. Запомните это: центральной власти!

Согласно указу вице-президента Янаева, он, Янаев, приступил к исполнению обязанностей Президента СССР в связи с

тем, что Горбачев по состоянию здоровья не мог эти обязанности исполнять. Янаев сделал это на основании статьи 127.7 Конституции СССР. Члены ГКЧП заявили, что над страной нависла смертельная опасность, что «перестройка» зашла в тупик и необходимы чрезвычайные меры по выводу государства и общества из кризиса.

Членов ГКЧП обвинили в том, что их действия якобы были неконституционными. Так ли это было на самом деле? Я утверждаю, что сам подход к событию с юридическими мерками лишен смысла. Если бы переворот удался, то нашлось бы более чем достаточно оснований, чтобы признать его конституционным и нашлось бы достаточное число экспертов, которые привели бы убедительные аргументы в пользу этого. Но переворот сорвался, и доминирующие в стране и в мире силы оценили его как неконституционный, найдя для этого подходящие (с точки зрения обмана общественного мнения) аргументы. Но, повторяю, как то, так и другое бессмысленно именно юридически. Если встать на позицию оценки событий как конституционных или неконституционных, то с полным основанием вообще все действия горбачевской клики можно оценить как неконституционные. Я уж не говорю о действиях клики Ельцина, неконституционный характер которых признавали даже его сообщники. Вообще вся эпоха, начавшаяся в 1985 году, означала полное игнорирование всякой законности и превращение в некую законность того, что делалось по произволу правящих клик.

Если смотреть на событие как на нечто серьезное, а не как на имитацию переворота и заранее спланированную провокацию, то поведение «путчистов» выглядит как серия непростительных ошибок. Никто, кроме Горбачева, не был отстранен от власти. Как выяснилось впоследствии, Горбачев был свободен и мог общаться с внешним миром. Он был заранее в курсе того, что должно было произойти, и как политический прохвост собирался так или иначе извлечь для себя пользу из любого исхода попытки переворота.

Никто не был арестован. «Путчисты» — не младенцы, они должны были понимать, на что шли. Если их намерения были действительно серьезны, они первым делом должны были бы арестовать всех активных «демократов» — и в первую очередь Ельцина. Они должны были понимать, что в стране фактически шла война на разгром всего советского, и действовать методами.

адекватными этой реальности. Но они этого испугались. Они даже не решились признать истину во всей ее беспощадности. Они сами принадлежали к реформаторам, сами были повинны в том состоянии, до которого довели страну. Желание выйти из переворота чистенькими, боязнь решительных действий, боязнь осуждения со стороны Запада имели следствием то, что «путчисты» не выполнили основное условие переворота — отстранение от активной деятельности своих противников и изоляция их. Это стало главной причиной срыва переворота.

Янаев заявил, что советское руководство и дальше будет следовать курсом, который в 1985 году определило горбачевское руководство. Это была вторая непростительная ошибка «путчистов». Надо было категорически осудить горбачевский курс как стратегически ошибочный, губительный для страны и фактически преступный, предательский. От них этого ждали миллионы людей, которые их поддержали бы. Приученное к покорности по отношению к распоряжениям высших властей население сочло бы это как новую установку и в течение кратчайшего времени стало бы на путь восстановления доперестроечного образа жизни. Но «путчисты» не решились на такой шаг, а их противники все равно приписали им намерения реставрировать «сталинистский» режим и расправиться с «демократией».

По решению ГКЧП в переворот пытались вовлечь вооруженные силы. В советской истории уже был такой случай, когда в 1953 году убрали Берию. Тогда в Москву были введены части тех же элитарных дивизий, которые теперь, почти сорок лет спустя, были введены в Москву по приказу ГКЧП. Члены ГКЧП, отдавая приказ о введении их в Москву, поразительным образом не учли тех перемен, которые произошли в стране за годы «перестройки». Хотели они этого или нет, они сыграли на руку тем, против кого намеревались бороться. Они фактически сыграли роль провокаторов. Если их и стоило судить, то прежде всего за некомпетентность и нерешительность. Распорядившись вооруженными силами таким образом, они в огромной степени усилили деморализацию армии, сделав первый шаг в превращении ее в силу подавления своего собственного народа.

Радикальные силы («демократы») во главе с Ельциным умело использовали конституционную демагогию, в рамках которой еще держались члены ГКЧП, и захватили роль защитников конституционного порядка и демократии, что усилило симпатии к

ним мирового общественного мнения. Они с поразительной быстротой мобилизовали ту часть населения, которая поддерживала их. Зная убогий интеллектуальный уровень самого Ельцина и его сообщников, зная организаторскую бездарность этих политиков-дилетантов, я нисколько не сомневаюсь в том, что к этой операции был приложен более высокий интеллект, организаторские способности и опыт, чем те, какими располагало советское общество.

Большинство населения страны, втайне сочувствовавшее «путчистам» и надеявшееся, что кошмар «перестройки» наконец-то кончится, осталось пассивным. К тому же оно, одураченное пропагандой реформаторов и радикалов в течение предыдущих шести лет, впало в состояние полной растерянности. Оно было просто неспособно судить о том, на чьей стороне правда с точки зрения их же интересов. Это молчаливое большинство всегда было пассивной массой, покорно выполнявшей распоряжения начальства или столь же равнодушно игнорировавшей их. Продержись ГКЧП хотя бы пару недель, население восприняло бы переворот как нечто само собой разумеющееся. Оно решило бы, что установка свыше переменялась и теперь надо жить так же, как жили раньше. И подавляющее большинство прохвостов и перевертышей поспешно приспособилось бы к новым условиям, стало бы усердно чернить все то, что было в перестроечные годы, и служить новым установкам высшей власти. Организаторы этой грандиозной провокации прекрасно понимали это и поэтому действовали с поразительной быстротой и оперативностью.

Одной из важнейших причин провала «путча» явилась позиция, которую заняли центристы и руководство КПСС. Переворот поддержали организации и группы людей, не имевшие влияния в обществе (например, Совет ветеранов труда и ветеранов войны). «Путчисты» рассчитывали на поддержку центристов. Они сами принадлежали к ним и пытались выступить именно в этой роли. Но неумолимая логика политической борьбы приписала им роль совсем другую — роль консерваторов, стремившихся восстановить доперестроечный образ жизни. И они, если они имели хотя бы крупицу ума, должны были принимать это в расчет заранее. Они этого не сделали.

Поразительным также является то, что руководство КПСС фактически не поддержало переворот, хотя это был последний

шанс спасти партию, еще в какой-то мере способную мобилизовать население страны на борьбу против надвигавшейся катастрофы. С этой точки зрения аппарат КПСС заслуживает еще большего презрения, чем радикалы, открыто стремившиеся разрушить советскую систему государственности и социальный строй страны. Руководство КПСС может служить образцовым примером тому, какую гнусную породу людей культивировал коммунизм. Если бы руководство КПСС выступило с призывом к членам партии поддержать ГКЧП и покончить с преступной политикой «перестройки», на улицы Москвы вышло бы народу в десятки раз больше, чем число приверженцев Ельцина. Но вожди КПСС всех уровней, дрожа за свою шкуру, не сделали этого, подписав тем самым приговор своей партии и вообще всей системе государственности.

Провал попытки переворота был не победой некоей демократии над некими силами реакции, как это изобразила западная пропаганда, а очередная победа Запада в холодной войне против советского народа, которую Запад вел под лозунгами и под предлогом борьбы против коммунизма.

Я выше брал слово «путч» в применении к попытке переворота со стороны ГКЧП в кавычки, ибо это не был настоящий путч. Настоящий путч в это время действительно произошел, причем он был весьма успешным. И совершили его радикалы (демократы) во главе с Ельциным. Так что фиктивные путчисты практически сыграли роль провокаторов, дав повод для настоящего путча и расчистив дорогу к власти настоящим путчистам. В России началась открытая контрреволюция по отношению ко всему тому, что явилось результатом революции 1917 года.

Открытая контрреволюция. В августе 1991 года в России победила не «молодая демократия», как изображала события западная пропаганда и как думали многие российские граждане, введенные в заблуждение пропагандой, а нечто принципиально иное. Победила западная установка на дальнейшее разрушение Советского Союза и России. Победили внутренние силы разрушения и ограбления страны, поддерживаемые и манипулируемые Западом.

Поскольку тут происходило разрушение всего того лучшего, что явилось результатом Великой Октябрьской революции 1917 года и всей советской истории, то вполне уместным в отношении этого явления будет слово «контрреволюция». Она была под-

готовлена еще в горбачевские годы. Ельцинская клика лишь завершила ее, довела до логического конца. И тот факт, что эта клика по своим качествам убийц своей страны превзошла горбачевскую, несколько не снижает вину последней и не лишает ее права на историческое новаторство.

Как само становление ельцинской власти, так и вся ее деятельность была вопиющим игнорированием всякой законности, прикрываемым безудержной демагогией о защите законности и демократии. Незаконно распущен Советский Союз, чтобы незаконно ликвидировать центральную власть, мешавшую ельцинской клике на пути к диктатуре. Незаконно запрещена КПСС и ликвидирован партийный аппарат. Незаконно разогнаны органы государственной власти — Советы. Сохранился Верховный Совет Российской Федерации, считавшийся высшим законодательным органом власти. Он сохранился по инерции, как остаток прошлого и как дань игры в демократию, в многопартийность и разделение властей. Но Президент просто игнорировал его, назначая ему совсем иную роль.

Запад всячески поддерживал все действия Ельцина в сфере государственности. Западная пропаганда усиленно проповедовала идею, будто для России необходима «авторитарная власть». Слово «диктатура» избегали произносить, но суть дела заключалась именно в этом. Ельцинская клика при поддержке Запада стремилась возродить самые гнусные черты диктатуры сталинистского типа, только без созидательных потенций ее. Созидательные потенции не требовались тут вообще. Представители власти на местах стали назначаться прямыми распоряжениями Президента, по его произволу, по принципу личной преданности, вернее, по принципу готовности служить не стране, а президентской клике. Такое не мог себе позволить даже Сталин. Впрочем, не потому, что власть его была ограничена, а потому, что он был не дурак и не предатель. Он понимал, что управлять страной такими методами невозможно, что такими методами можно только громить политических противников и грабить страну.

Разгромив систему государственности, складывавшуюся десятилетиями, ельцинская клика начала с лихорадочной поспешностью создавать новую. Ядро ее образовали лица, распоряжавшиеся армией, милицией и войсками министерства внутренних дел, разведкой, контрразведкой, органами юстиции, аппаратом

Министерства иностранных дел, личной охраной Президента и его личной администрацией. Президентские указы появлялись в таких количествах, что горбачевская реформомания просто подеркла перед ельцинской. Вся эта суета выражала фактический развал системы власти как системы управления страной, ибо она диктовалась не естественной потребностью страны, а производом обезумевших от кажущегося всевластия преступников.

Новая власть довела до предела капитуляцию страны перед Западом. Страну наводнили тысячи и тысячи иностранных агентов под видом всякого рода советников и представителей западных фирм и организаций. Фактически эти «невидимки» стали формировать всю политику клики, сохраняя лишь видимость самостоятельности ее решений. Но эта видимость оказалась иллюзорной. Западные политики и специальные эмиссары открыто диктовали свою волю российской власти.

Новая власть сознательно и планомерно разрушала обороноспособность страны. Открыто проповедовались капитулянтские настроения. Людям настойчиво внушалась мысль, будто после полной капитуляции перед Западом американцы и немцы помогут русским совершить такой же скачок, какой американцы смогли сделать немцам и японцам. И в России нашлось достаточно много дураков, поверивших в эту чепуху. Впрочем, тут сработало качество русского национального характера — русские привыкли надеяться на то, что кто-то спасет их от обрушившихся на них бед.

Дезинтеграция советских вооруженных сил, сокращение вооружений, ослабление военно-промышленного комплекса, анти милитаристская пропаганда и т.д. — все это привело к тому, что в армии вообще было разрушено сознание необходимости обороны страны. Опыт войны в Ираке и знание общего состояния населения, включая армию, уже породили на Западе идею, что война с Россией может стать лишь «большим Ираком», т. е. прогулкой с огромными материальными затратами, но без человеческих жертв на стороне Запада, с громом оркестров, с красочным праздничным ликованием.

Армия превратилась в полицейскую силу, готовую за плату убивать своих соотечественников.

Если горбачевская клика явила миру беспрецедентный пример политического и идеологического предательства, то ельцинская клика добавила к этому точно такой же беспрецедентный

пример ограбления правителями своей собственной страны. Делалось это открыто, демонстративно. Причем грабители, не будучи уверены в прочности своего положения, переводили награбленные богатства на свои счета в западных банках и в имущество в западных странах. Новая власть превратила всю страну в лагерь уголовников. Будучи слабой и безразличной, она стала вербовать сторонников самым подлым образом — под видом класса собственников она создала класс воров.

Возникло уголовно-мафиозное государство, совершенно не способное ни на какие созидательные свершения. Оно беззащитно перед внешним врагом. Оно не может сплотить вокруг себя массы населения. Его лидерам чуждо понятие «Родина». Они растлили народ, в особенности — детей и молодежь. В стране фактически исчезла всякая законность, расцвела преступность всех родов, люди лишились личной защиты со стороны государства и отданы во власть гангстерских банд, наступило неслыханное обнищание подавляющего большинства населения, рухнула вся прежняя система духовных и моральных ценностей. Одним словом, сложилось состояние, которое раньше называли смутой, а теперь стали называть беспределом.

Чтобы сделать происшедшие перемены необратимыми, новая власть начала ускоренными темпами создавать себе социальный базис в виде класса собственников. Оргия приватизации превратилась в организованное ограбление страны и населения. До какого ужасающего состояния была доведена экономика, об этом стали писать и говорить даже в западных средствах массовой информации.

Население было ввергнуто в ужасающую нищету. Причем все это делалось сознательно и оправдывалось «теоретически» как якобы необходимый этап некоего «первоначального накопления капиталов». Небольшая группа грабителей действительно накапливала баснословные капиталы в считанные дни, а производство в стране неуклонно сокращалось.

Что из себя теперь представляет политическая система России? Все то, о чем я говорил выше, вроде бы не должно оставлять никаких сомнений на этот счет: в России имеет место самая явная диктатура президентской клики, не считающаяся ни с какими законами.

Но это — диктатура особого рода. Она возникла не как результат имманентного развития общества в его основах, а как на-

вязанная ему сверху и извне, как нечто чужеродное, искусственное. Начавшись со стремления высшего советского руководства перейти от брежневистского типа коммунистической системы власти к сталинистскому типу, советская и затем российская политическая система в исторически сложившихся условиях (кризис, поражение в холодной войне с Западом и другие факторы) превратилась в уникального политического убудюка, в своего рода политического Квазимодо. Услужливые социологи и политологи в России и на Западе ищут сейчас респектабельное социологическое определение этому убудюку, снабжая свои сочинения ссылками на многочисленных авторов мировой истории, что-либо писавших на эту тему. На самом деле никакого типа власти в социологическом смысле тут нет. Тут есть уродство, в котором при желании можно увидеть сходство с любыми типами, в том числе с демократией и диктатурой. Получилась историческая карикатура не на какой-то один определенный тип власти, а на политическую систему вообще.

Разрушив советскую систему государственности, горбачевская и затем ельцинская клика смастерили из обломков ее, из заимствований на Западе и из бредовых воспоминаний об идеализированном прошлом России убудючную имитацию политической системы, которая похожа на настоящие системы власти, но не работает в качестве таковых. Она не способна ни на что исторически значительное. Ее фактическим стремлением является одно — самосохраниться любой ценой, даже ценой гибели страны и народа. Потому она не способна на то, чтобы стать настоящей политической диктатурой вроде сталинской. Для этого у тех, кто эту систему власти образует, нет ни ума, ни мужества, ни честности, ни опоры у населения. Из этого не следует, что она не опасна. Она опасна. Но она опасна и грозна не в качестве фактической политической диктатуры, а в качестве именно имитации, карикатурности и уродливости таковой. Она опасна своей неспособностью к исторической подлинности.

Политическая система общества, находящегося в состоянии деградации и распада (а такова нынешняя Россия), не может быть ничем иным, кроме как продуктом той же деградации и того же распада. Принимать ее как серьезное историческое явление в любом виде, в том числе в виде настоящей диктатуры, — значит воздавать ей почести, каких она не заслуживает.